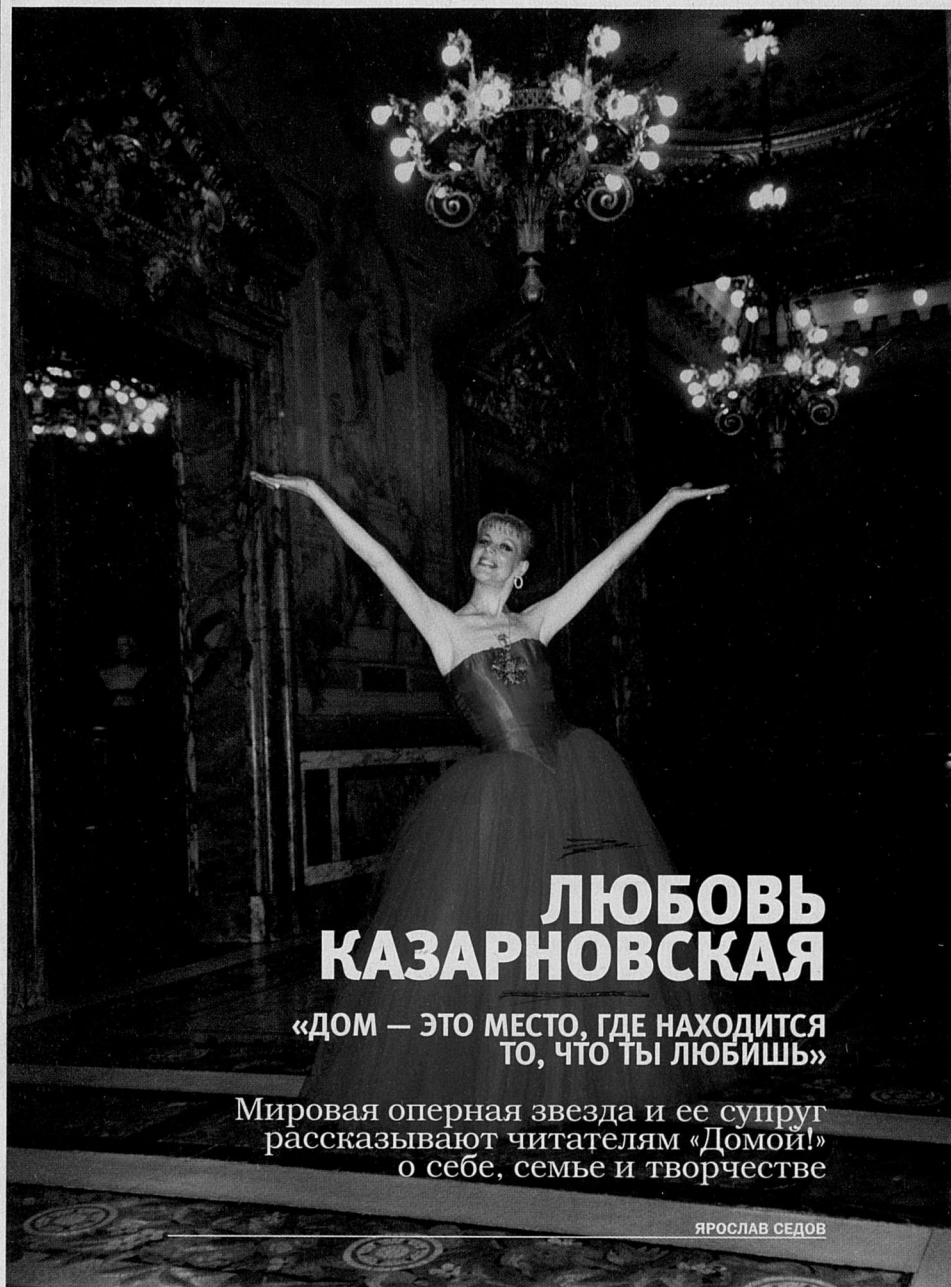

ЛЮБОВЬ КАЗАРНОВСКАЯ

«ДОМ — ЭТО МЕСТО, ГДЕ НАХОДИТСЯ
ТО, ЧТО ТЫ ЛЮБИШЬ»

Мировая оперная звезда и ее супруг
рассказывают читателям «Домой!»
о себе, семье и творчестве

ЯРОСЛАВ СЕДОВ

Как вы познакомились с вашим мужем?

Это произошло в Венской опере, когда я работала там по контракту. Я сначала не имела представления, что Роберт — импресарио, мы просто сразу очень друг другу понравились. Когда познакомились, выяснилось, что наши вкусы и мысли совпадают и во взглядах на искусство, и в восприятии жизни. Потом возник роман. Роберт ухаживал за мной очень красиво и довольно долго. Были и цветы, и романтические встречи, и подарки — подчас недорогие, но выбранные очень удачно, с большим вниманием к моему настроению, предпочтениям, ситуации. Это было в конце 80-х, когда Россия и Европа еще представляли собой, по существу, разные миры. Но в наших отношениях Роберт сумел сгладить ощущение этой разницы. Он был аристократически галантен и в то же время держался как друг. Вот это сочетание европейского лоска и дружеской сердечности меня и покорило.

И все эти романтические чувства вы сохранили в браке?

Да, вполне! И не только сохранили, но преумножили! В быту, совместной жизни Роберт очень тактичный, сдержанный и внимательный человек.

Вы хотите сказать, что всегда и во всем с ним соглашаетесь?

В вопросы вокала он не вмешивается, как и я — в его дела. Нет ничего хуже, когда мужа и жены начинают учить друг друга профессии. Другое дело, что я очень ценю мнение Роберта: он тонкий знаток музыки, с великолепно «воспитанным» слухом. Он вырос в оперном театре, слышал всех великих певцов.

Роберт, а чем вас привлекла именно русская певица и на каком языке вы начинали с ней общаться?

На русском. Мой отец — хорват, я изучал русский язык в Венском университете, а увлечение русской культурой и оперой у меня началось с детства. Я слушал пластинки Шаляпина. Он производил

на меня потрясающее впечатление, и выучить русский язык я захотел для того, чтобы понять, о чем он поет.

Любовь, а вам доводилось петь что-либо, посвящая выступление лично Роберту, пусть не объявляя этого широкой публике?

Да, как правило, ему лично я всегда адресую исполнение немецкой песенной лирики. Например, песни Рихарда Штрауса, песни Шуберта, которые я сейчас готовлюсь исполнять. Это его любимая музыка, и именно Роберт дал мне то ощущение немецкого языка, которое помогает находить нужные оттенки интонаций. Ведь язык — это именно то, благодаря чему мы выражаем себя. Я впервые задумалась об этом, когда встретилась в работе с Евгением Федоровичем Светлановым. Я была выпускницей консерватории, лауреатом престижных конкурсов и считала себя готовой к серьезной работе. Светланов ставил тогда в Большом театре оперу Римского-Корсакова «Сказание о Невидимом

граде Китеже и деве Февронии». У него возникла идея пригласить молодую певицу, чтобы создать образ не просто оперной героини, а девочки, спасающей народ. И вот когда началась работа, я поняла, что стою на пороге нового этапа обучения, если хотите — развития. Ведь нас, певцов, прежде всего учат технике. Нужно, чтобы ты владел определенными приемами и звучал. Не важно при этом, поешь ты Моцарта или Верди. И многие так потом и поют: все одинаково. Светланов же на уроках, спевках, репетициях пел за всех персонажей и объяснял, почему мелодические фразы развиваются так, а не иначе, какая нужна выразительность, как голос должен быть

участник общей молитвы и должен нести энергию коллективного экстаза. Когда Караян что-то объяснял и увлекался, от него шла такая мощная энергетика, что собеседник впадал в оцепенение, как под гипнозом. Помню, он спросил меня, бывала ли я на юге Италии, на общей молитве. И узнав, что не бывала, во-первых, посоветовал обязательно побывать, а затем стал рассказывать, какой безумной истовостью проникнута эта коллективная молитва, где люди впадают в исступление. Этого воздействия он хотел добиться в исполнении «Реквиема». После репетиции я была как в трансе. Роберт меня довел до какого-то кафе, я едва могла держать в руках чашку.

А каково же было выступать с Караяном, если он оказывал такое парализующее воздействие на репетициях?

О, это совсем другое! Во время исполнения у меня было ощущение, что Караян нес меня на руках, как богиню. На сцене он невероятно воодушевлял. Он дышал вместе с певцом, беззвучно артикулировал (кстати, так же как и Светланов), предвосхищал каждый нюанс. Петь было необычайно удобно. Увы, личности такого масштаба уходят. Мое поколение должно было бы передавать полученную от них эстафету молодым, но зачастую происходит разрыв этой преемственности. Среднее поколение мастеров многие стремятся побыстрее увести со сцены, чтобы взять совсем молодых. Почти как в спорте, законы которого все сильнее у-

ямой. Надеюсь, что в будущем мы сможем ставить там спектакли с участием наших воспитанников.

Значит, вы сами не ощущаете творческий дискомфорт, стесненность возможностей?

Нет, напротив. У меня работа есть, я счастлива тем, что не привязана к конкретному театру, независима от вкусов какого-либо начальства, могу делать то, что хочу и считаю нужным: сниматься в кино, преподавать и продолжать петь. Сейчас я готовлюсь к большому концертному турне по Германии: Мюнхен, Гамбург, Берлин, Штутгарт. Буду петь с оркестром Берлинской оперы четыре последние песни Рихарда Штрауса, сцены и арии из опер «Валли», «Тоска», «Бал-маскарад» и «Саломея».

Саломею считаю своей визитной карточкой: я участвовала в тринадцати постановках этой оперы, а готовила партию вместе с самим Вальтером Тауссиком — концертмейстером автора, Рихарда Штрауса. Ему был 91 год, на пульте его рояля стоял клавишник с пометками самого композитора, и он спросил, пела ли я камерную музыку Рихарда Штрауса. К счастью, я пела. Это его порадовало, и он пояснил: «Штраус предупреждал, что, хотя музыка очень экспрессивная, Саломея не должна орать, у него в нотах указан нюанс — «прозрачно». Так что если вы намерены орать — ступайте к другому концертмейстеру». Разумеется, у меня таких намерений не было, и я счастлива, что мне удалось подготовить партию Саломеи именно так, как ее задумал композитор.

РОБЕРТ УХАЖИВАЛ ЗА МНОЙ ОЧЕНЬ КРАСИВО И ДОВОЛЬНО ДОЛГО. БЫЛИ И ЦВЕТЫ, И РОМАНТИЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ, И ПОДАРКИ

«окрашен». В этой работе я впервые ощутила себя интерпретатором.

Вы работали с многими великими дирижерами XX века: Караяном, Кляйбером. В их отношении к певцу, манере работы были сходные черты? Или каждый — настолько неповторимая личность, что сравнивать невозможно?

Почему же, возможно. Великие музыканты создают ощущение отрыва от земли, ощущение полета, пребывания в совершенно особой атмосфере. Помню, как в «Отелло» в лондонской королевской опере «Ковент-Гарден», где я пела Дездемону, дирижер Карлос Кляйбер сыграл вступление к моей «Песне об иве» в 4-м действии так проникновенно, что я, пока слушала, думала: «Как же мне теперь петь, ведь он уже выразил все, что только возможно!» Помню свое потрясение после первой встречи с Караяном. Это было подобно разговору с Богом. Мне посчастливилось петь с ним «Реквием» Верди. Он объяснял мне, что, даже когда я пою соло, я не должна быть просто солисткой, мой голос —

верждаются в нашем искусстве. Эти молодые певцы, не вооруженные мастерством и опытом, быстро оказываются отработанным материалом, им на смену приходят такие же новые, и так далее. Я пытаюсь по мере сил противостоять этому процессу на своих мастер-классах. Например, в Томске я их провожу регулярно вместе с моими зарубежными коллегами. Там небольшой старинный театр с хорошей акустикой и оркестровой

Вам приходится много ездить. Что для вас означает понятие дома и где вы себя чувствуете в домашней обстановке?

Для меня и для всей моей семьи это очень важное понятие: мне важно и местоположение дома, и то, что внутри. Где бы мы ни были, везде создаем домашнюю обстановку. Дом — это место, где находится то, что ты любишь. Атмосфера, памятные вещи — сувениры, фото. Но прежде всего, конечно, не вещи, а люди, и в первую очередь — мой сын Андрей. Он учится играть на скрипке, пробует сочинять музыку, а еще любит скейт, плавание и горные лыжи. Мы с Робертом горных лыж боимся, но на равнинных ходим. И на коньках я люблю кататься.

Роберт, а как между вами распределяются домашние обязанности, хлопоты по ведению хозяйства?

Ну как же им распределяться? Очень просто: я все делаю... (Общий смех.) Нет-нет, Люба замечательная хозяйка, она даже может иногда приготовить спагетти, очень любит делать салат с креветками. Но мы, конечно, освобождаем ее от хлопот, чтобы она могла заниматься артистической работой. ■